ПОЛЯКИ В КРЫМУ ДВА ВЕКА ТОМУ НАЗАД

Очевидно, что поляки сыграли видную роль в освоении Южнобережья. Достаточно вспомнить деятельность в Крыму М. Воронцова, жена которого. дочь известного поляка Ксаверия Браницкого, несомненно, повлияла, например, на идею формирования ныне знаменитого Алупкинского парка, разумеется, под впечатлением детских и юношеских лет, проведенных в имении отца с необычным парком под Белой Церковью. Софья Потоцкая, владевшая Массандрой, подаренной ей Потемкиным, где начала было строить первый в России город-курорт (названный ею в свою же честь), несомненно, оказала влияние на свою младшую дочь, княгиню Нарышкину, создавшую замечательный Мисхорский парк (с недавно отреставрированным дворцом) сохранившийся до наших дней, тоже не случайно названный «Софиевкой», как и известный грандиозный парковый комплекс под Уманью. И сегодня в Карасане можно увидеть дом Раевских с чудесным парком, виноградники в Артеке, ранее принадлежавшие графу Г. Олизару, найти много других впечатляющих культурных следов пребывания поляков в Крыму.

Несколько лет тому назад мой добрый знакомый, ялтинский коллекционер Генрих Шмидт подарил мне изящную, карманного формата книжечку в 150 страниц, изданную Варшавским университетом в 1829 году: «Дневник путешествия в Крым, совершенного в 1825 году Карлом Качковским» — на польском языке. Уже первое беглое знакомство с раритетом убедило меня в том, что он написан прекрасно образованным молодым человеком, медиком, досконально знающим историю медицины, натуралистом, обладающим познаниями в геологии, ботанике, космологии, серьезным этнографом, интересующимся историей, бытом, религией, фольклором народов, социологом, нумизматом, полиглотом, знающим английский, французский, латынь, литературу, поэзию стран Европы и т.п. Все это сразу же вызвало интерес и желание узнать, где он получил столь обширные познания в различных областях знаний. Искать долго не пришлось, ибо сам автор неоднократно вспоминает с благодарностью свою alma mater — Кременецкий лицей. Многое объясняет необычная судьба старинного города Кременца на Тернопольщине, первое упоминание о котором восходит к XIII веку, основанного еще во времена Даниила Галицкого. Эту крепость не взял Батый, но покорили в 1648 году казаки Богдана Хмельницкого, могилы которых сохранились и поныне. В различные эпохи истории город входил в состав Галицко-Волынского. Литовского княжеств, Польши и сто лет — в состав России, все они, переплетаясь, сохранили свои следы до наших дней.

Еще в XVI веке в Кременце был основан православный монастырь, в 1833 году превращенный в Почаево-Успенскую лавру. В 1618 году при монастыре была создана типография, где печатались первые учебники украинского языка, а затем, в 1637 году, усилиями Богоявленского братства при участии киевского митрополита Петра Могилы начала функционировать школа-коллегия по образцу Киевско-Могилянской. В 1701 году в город были приглашены иезуиты, начавшие в 1731 году строить комплекс, состоящий из до сих пор сохранившегося костела и двух учебных корпусов, в которых известный польский деятель, магнат Т. Чацкий в 1805 году открыл гимназию, в 1819-м превращенную в лицей, при котором была библиотека в 50 тысяч томов.

Преподавание в лицее велось по университетской программе педагогами, учеными украинского и польского происхождения. Поэтому не случайно, что именно в Кременецком лицее появилась «украинская школа» в польской литературе (А.Мальчевский, Ю. Коженевский, Т.Падура и др.). Неоконченная украинская поэма Антона Мальчевского «Мария» стала од ним из самых популярных произведений, неоднократно переиздававшихся в Польше после его смерти.

К сожалению, имя К.Качковского мало известно не только в Украине, России, но даже в Польше, в чем я убедился при встречах с профессорамилитературоведами из Люблина Я.Орловским и Е.Позеходским на алупкинских конференциях в 1995—1996 годах. Интриговало время приезда в Крым путешественника — 1825 год, когда сюда же съехались Адам Мицкевич, Александр Грибоедов, и общее их стремление встретиться с польским графом Густавом Олизаром, поместье которого находилось в нынешнем Артеке, через несколько месяцев привлеченным (как и А.Грибоедов) к расследованию по делу декабристов. К. Качковский был однокашником Г. Олизара по Кременецкому лицею. Через пять лет они оба приняли активное участие в польском восстании Костюшко, где К. Качковский стал генералом, возглавил медицинскую службу повстанческой армии. Затем он станет профессором Варшавского университета, а в 1863 году вновь примет участие в польском восстании, за что его сошлют в Россию, где он и умрет в 1867 году.

Несколько лет мне не удавалось найти достойного переводчика этой, несомненно, интересной книги, написанной поэтическим языком, с рассуждениями на философские, исторические, медицинские, литературные, поэтические темы. Но, в конце концов, им стал мой старинный друг, ялтинец Илья Исаакович Неяченко, и работа над книгой началась.

Нас особенно привлекало живое, образное, с юмором описаннное путешествие по бездорожью тогдашнего Южнобережья верхом на лошадях от Балаклавы, через знаменитую Чертову лестницу, теперешние Батилиман, Оползневое, Симеиз, Алупку, Ялту, Массандру, Никитский сад, Алушту, горный массив Чатырдага к Чуфут-Кале и Евпатории, откуда на паруснике они отправились в Одессу, потом обратно — на родину.

Этим же путем в том же году пересекли Южный берег Крыма верхом (правда, в противоположном направлении) Адам Мицкевич, отразивший путешествие в знаменитых «Крымских сонетах», и Александр Грибоедов, а пятью годами ранее — Александр Пушкин.

Особый интерес представляет подробное описание К. Качковским быта крымских татар, их уклада жизни, жилищ, манер. Путешественник подчеркнул гостеприимство, миролюбие этого народа, обратив внимание на их традицию украшать жилье вышитыми рушниками (не отсюда ли пошла традиция в Украине?).

Не менее интересно и тщательное описание флоры Южного берега того времени, ибо по пути он собирал гербарий. Возможно, эти наблюдения представляют интерес и для современных исследователей? Автор с увлечением рассказывает о фруктах Южнобережья, поражаясь их размерам, особо выделив район теперешнего поселка Оползневое (Кикенеиз), до сих пор славящегося своим салатным синим луком, прекрасным виноградом, сливами.

Качковский верно описал особенности климата Южнобережья, его сезонов года, ландшафта и, что меня особенно поразило, как климатолога, с восторгом обратил внимание на прелесть, чистоту южнобережного воздуха, хотя в то время никаких современных экологических проблем не было, и воздух оставался чистым и в других регионах Европы. Кстати, эту особенность воздуха Южнобережья отмечали и другие путешественники, посещавшие Крым, вплоть до М. Булгакова. Несомненную литературную ценность представляют две до сих пор неизвестные татарские легенды, одна из которых содержит новую версию сюжета, воспетого А. Пушкиным в поэме «Бахчисарайский фонтан», не связанную с Потоцкой.

Интересны также трактовки автором эпизодов истории караимов, крымских татар, их ханов, польско-литовско-татарских отношений, в какойто мере отражающих взгляды на эти проблемы польских исследователей начала XIX века.

До сих пор нам удалось опубликовать лишь часть дневника К. Качковского в ежегоднике «Крымский альбом» (1998 год), вышедшего небольшим тиражом. Между тем, на мой взгляд, «Дневник» представляет интерес и для польских читателей, и для крымскотатарского, украинского, караимского населения полуострова, для всех, кого интересуют его исторические, этнографические проблемы, его прошлое.

Надеюсь, объединенными усилиями польской, украинской, крымскотатарской национальных общин нам удастся осуществить необычный и сегодня необходимый проект, демонстрирующий взаимоинтерес, культурную взаимосвязь народов, в результате чего сбудется надежда Карела Качковского, высказанная им в эпиграфе его дневника: «...И эти воспоминания когда-нибудь доставят удовольствие». Полагаю, и пользу.

Симферополь. 2007.